

ТЕТРАДЬ

для Шевченко Анна

Игоревна

учени 11 класса

школы № 2616

Республика

Коми

51733

16-14-8-9

47

Ку

Земля 51733

Анализ стихотворения И. Бродского

«Ты покажишь во мраке...»

Иосиф Бродский. И по сей день одна из самых загадочных и непонятных фигур русской литературы. Последних амбиций, один из «ахматовских шрот», поэт и писатель, публицист, переводчик, представитель вольнолюбивого андеграунда. Как многие сими^{от} литературы, трудно отнош к какому-либо определенному направлению. Стихотворения его подобны тегению ипелл, любой предмет обрывает множество смыслов и в то же время всегда конкретен («Сначала в беду свалился шум...»). Поэзия И. Бродского невероятно сложна, но тем интереснее ее анализировать.

И. Бродский - мастер формы. Данное стихотворение состоит из шести строф-опав, написанных анапестом. Ни разу не нарушается essential русская форма, в к и ассонансы на протяжении всего произведения (в I строфе звуки [а], [о]; в последней [и], [е]) создается ощущение поразительной цельности и эмоциональной законченности. В первой строфе хорошо видно, как «позиционируются» стопы, вернее, их количество, замыслу автора: одна стопа отделяется от другой непомехой, непомехой стопной строкой, в основном не в каждой но в ударных

позиций. Мирский создает необходимые паузы (в 1 строках I-й и V-й строки, например). Кажется, они нужны для взятия дыхания при чтении вслух. Да, безусловно, стихотворение предназначено для исполнения, но отсюда не делаем вывод в пользу заговора. На мой взгляд, это... заговор. Тот, кто существовал в Древней Руси, какими названиями ведал из "Пир Гюкта". Та фольклорная форма, что часто и явно встречается в поздней лирике Мандельштама. Основной приметой этого жанра является многократное повторение сходных или идентичных конструкций и слов. Она здесь явно присутствует. И. Бродский повторяет и упоминает слово в каждой последующей строке, комментирует и описывает пейзаж в I строке ("бескрайние холмы", "пустыни обрат", "защипывая права-титания") и повторяет во второй ("кто там спалет в холмах"). Стихотворение не отличается разнообразием знаковых элементов и этому есть две причины. Во-первых, это подталкивает форма заговора: нельзя спугнуть силу, у которой ты что-то спрашиваешь или ищешь защиты. Во-вторых, это черта поэтики Бродского. Он изобретатель, и, даже когда процитируется очень многократные по сути вещи (например, "Postscriptum"), мирский шрифт остается холодным и слегка фронтилом.

Третья строка продолжает тему повторов ("кто там спалет", "ослепленный шумом"). К признакам заговора добавляется бессознательное и редкое однородное членение (пример - 3-я строка I строки). Однако эта фольклорная заплата встречается в 3-й строке.

Внимание Мандельштама на ширину Бродского очевидно: та же сложность и многоуровневость мысли, обилие ее в сфере ассоциаций, побуждений и субъективных, любви и реализационизма и аллюзий ("у ~~всех~~ и бессонница Голлер. Путь паруса..."). Это связано с звучающей в форме "только по мировой культуре". Еще одна черта развития произведения - свободное размышление на тему гегелевского "Мелкого царя". Возможно, среди переводов Бродского было и это произведение. Автор как бы переносит канву, балладную тему преемственности культуры немецкой империи на собственные переживания. Стоит заметить, что он несколько отходит от сюжета - терптва уже не младенцу, но сам бедняк. И пейзаж российский: "березовые рощи", "слова поэма русских равнин" (метафора).

Итак, посмотрим на мир, создаваемый пером поэта, шепот иррациональности, зеркала всего происходящего проявляется с первой строкой. Кто-то

скажет ночью во мраке (ночь - любимое время шр. героя Вродекого), овевающий лишь луной и зацветающий лишь ей. Битва монет, он падает на её свет. Однако он традиционно воспринимается как отстраненный, неверный. На равнине герой как на сцене, где всё погружено во тьму и лишь его лицо захватывает прожектор. Он беззащитен и одинок. Вернее, их двое: он и некой царь. Возникает напряжение, не отпускающее до конца: где же ты?

Тотничко-романтизмский герой выдвигает вопросы: кто он? откуда? зачем путешествует в кои-то? Одной из ассоциаций ^{ассоциаций} ~~версий~~ со всадником у меня были Бугаковские герои в последних главах "Мастера и Маргарита", переходящие границу миров по лунной дорожке. И снова обозначается тема раздвоения худ. пространства. Попадает герой сюда через сон ("защитой, во сне, лет стремительно скачем на юг"). Монета задремала и в танце как герой "идет на себя, отстраненно от гёрной воле".

- ✓ Мне кажется, путь всадника это путь восхождения с собой в иной реальности, противопоставленной той, где "распахнуты окна" и свет другой, ищущий и "бьёт роком" (летошние). Что играют? Фиги Баха, повторяющиеся, подобно словам в стихотворении,

или "бесшумный грохот" (стихотворение "Ни тоски, ни любви, ни печали..."). И мыслится ко второму, лёгкое и острое переживание, который попытка доказать. Выделяющиеся на фоне других простые предложения "Приближается лес" композиционно разделяет 2 части стихотворения. Вторая раскрывает личность автора. ^{Кемогие умножение и др. "ант"} Здесь формируются это аллегория творчества поэта и по общей мысли, ^{логоризм} Смотрите, всадник - это он сам, он пришел к себе настоящему. Убежден от "замкнутого мира кибитки" в сон. Здесь по реальности. В смене с природой он обретает творчество как естественное, "адамовское" состояние. Он создаёт этот мир "по подобию своему". Конечно, это обращение к Борису. Это всеобщая "первоначальная" человеческого общества, всей всё и обычно и ирреально одновременно - фанари "безмалого" (тинет), а пустыри, как "холодные костры" (меторока). Всадник - это те шлемы, ~~кто~~ решается замкнуть в беду, во тьму, в шага лесного царя и фрагмент с абсурдом обиденности. При этом есть риск пропасть навсегда и "лестать в тишоте на ступе в легендизм круге". Это напоминает стихи В. Маяковского "Вроде ночью волчьей шагай...". Творчество - и космос,

связанная с одиночеством - любой творец одинок - и болью, и воздухом, которым автор дышит. Бродский в предпоследней строке констатирует драматическую связь творца с историей. „Печальный возврат“ к истокам, будь то Гомер или Данте, неизбежен. Мы не оригинальны.

Последние строки иллюстрируют различные окружения на созданном мире: кто-то шкворит („кто объедет“ и „кто обля в строке“, „кто обилик“), а кто-то волей-неволей входит и меняет по „как сквозит“. Эта всемирная мушкетерка как мушкетерка, но разобраться в ней кифушко и не хочется. Последние строки оставляют в раздумьях: возвращается ли он к обывающему или навеки остается „там“, а может по какому-то „целой царь“? Неизвестно. Но общее настроение все равно оптимистично; ведь все это о свободе поэта, о „тайной свободе“. И вадимать отнюдь много. Например, современные поэты, испытавшие влияние Бродского, А. Кокоринский и Н. Дорошев у последнего есть строки:

Мы земляки украин земли, как земляки,
И манем костью.
Прохошим

И это оптимизм.

В работе поэты выбирают под армянскими
контрастными революционными, „журналистскими“
мифом, в котором совершается еще большее
всереши. Интерактивные группы своего рода
субъект уверенности на значимые интерактивные
переходы (с Гейс, Мандриндолом). Не все
вебены сотрудничали стали предметом анализа,
в композиции работы все не во всем обоснованном
доказано.

К